

- 27 Малмыжская жизнь. 1917. 5 мая; Крестьянская газета Вятского губернского земства. 1917. 4 августа.
- 28 *Рашин А. Г.* Указ. соч. С. 122, 322.
- 29 ГАКировО. Ф. 1345. Оп. 2. Д. 8. Л. 24 об.
- 30 *Троцкий Л.* Перед историческим рубежом. Политическая хроника // *Троцкий Л.* Сочинения. Т. 4. М.; Л., 1926. [Электронный ресурс]: <http://magister.msk.ru/library/trotsky/trotm019.htm>
- 31 *Шрейдер Г. И.* Указ. соч. С. 205–219.
- 32 Вятская речь. 1916. 5 ноября.
- 33 Кама. 1917. 10 января; 24 февраля.
- 34 Прикамская жизнь. 1917. 25 января.
- 35 Трудовая народно-социалистическая партия. Документы и материалы. М., 2003. С. 68.
- 36 Программные документы политических партий России дооктябрьского периода. М., 1991. С. 188; Партии демократических реформ, мирного обновления, прогрессистов. Документы и материалы. 1906–1916 гг. М., 2002. С. 21.
- 37 Программные документы политических партий России дооктябрьского периода. М., 1991. С. 205–206.
- 38 *Булдаков В. П.* Красная смута: природа и последствия революционного насилия. М., 1997. С. 46–54; *Он же.* «Другая» революция: пути и возможности переосмысления Октября // Академик П. В. Волобуев. Неопубликованные работы. Воспоминания. Статьи. М., 2000. С. 242.
- 39 Русские ведомости. 1917. 2 марта.
- 40 *Кручковская В. М.* Центральная городская дума Петрограда в 1917 г. Л., 1986. С. 17–19.
- 41 Русские ведомости. 1917. 2 марта.
- 42 *Кручковская В. М.* Указ. соч. С. 21.
- 43 Русские ведомости. 1917. 8 марта.
- 44 *Грунт А. Я.* Москва. 1917-й. Революция и контрреволюция. М., 1976. С. 46, 50–51, 54–55; *Писарькова Л. Ф.* Указ. соч. С. 254–255.
- 45 *Герасименко Г. А.* Народ и власть (1917 год). М., 1995. С. 31, 34.
- 46 *Ефимова В. В.* Указ. соч. С. 188–189.
- 47 Установление и упрочение Советской власти в Вятской губернии. Сб. документов. Киров, 1957. С. 90.
- 48 ГАКировО. Ф. 628. Оп. 6. Д. 1026. Л. 49–50.
- 49 Вятская речь. 1917. 5, 7, 9 марта.
- 50 Спутник большевика (Вятка). 1927. № 2. С. 63.
- 51 Прикамская жизнь. 1917. 3, 4, 5, 7 марта; Кама. 1917. 7 марта.
- 52 Вятская речь. 1917. 24 марта.
- 53 ГАКировО. Ф. 1074. Оп. 1. Д. 1. Л. 23–30.

Ю. А. Жердева
Самара

«Рожденные» в 1917-м: Общественно-политическое движение «Лига русской культуры»

Революции всегда сопровождаются глубоким общественным противостоянием, принимающим впоследствии форму широкомасштабного гражданского конфликта. В такое время неизбежно возникает потребность в формировании идейного фундамента для восстановления единства общества. Как правило, это формирование происходит в формах идейных, путем выражения партийной, национальной или правовой идеи единения, либо репрессивных, через навязывание какой-либо новой формы государственного устройства активными методами. Вряд ли стоит придавать возникающим в эти периоды национально-политическим проектам

(«идеям») статус «политической альтернативы», однако, необходимо отметить, что, в любом случае, они отражают многослойность общественных групп, которые в дальнейшем вступают в открытый гражданский конфликт.

В России 1917 г. возникло немало подобных общественно-политических движений, порой оформлявшихся в виде «партий», но все же имевших весьма ограниченный общественный резонанс. Одной из таких организаций являлась Лига русской культуры. Она объединила достаточно широкий спектр русской интеллигенции: сторонников либерально-консервативной славянофильской традиции (И. М. Гревс, П. Б. Струве, С. Л. Франк), христианских социалистов (С. Н. Булгаков), будущих евразийцев (А. В. Карташев и С. Н. Трубецкой), октябристов (М. В. Родзянко), правых кадетов (С. А. Котляревский).

Лига русской культуры представляла собой «внепартийное объединение», преследовавшее, по словам ее инициатора П. Б. Струве, «национально-культурные цели»¹. Важнейшей задачей этого объединения являлось восстановление утраченного «единства общества», возрождение «здорового патриотического инстинкта». Этот процесс, по мысли основателей, должен был проходить только через восстановление «религиозного чувства», упадок которого привел к разгулу «грубых и злобных инстинктов» (С. Л. Франк).

В отечественной историографии Лига исследована достаточно слабо. Пожалуй, наиболее полная характеристика ее деятельности была дана О. Н. Знаменским. Он рассматривал Лигу как интеллигентскую организацию, появившуюся на фоне поляризации политических сил и разочарования, постигшего часть русского общества после апрельского кризиса 1917 г.² О. Н. Знаменский связывал ее возникновение с активизацией «веховцев», которые уже в апреле переосмысли ближайшие перспективы развития политической жизни и в конце этого месяца резко перешли на правый фланг общественной мысли.

В современной историографии работ, посвященных этой организации, практически нет. Эта организация не была включена и в энциклопедическое издание «Политические партии России (конец XIX – первая треть XX века)», изданной под редакцией В. В. Шелохаева³. Исключение составляют небольшая заметка М. Колерова «"Лига русской культуры" в Москве в 1917 г.»⁴, а также обширная статья Е. А. Тахо-Годи и В. П. Троицкого «Духовная Русь», где эта организация упомянута (в духе ее основателей) как «оплот национального возрождения»⁵.

Между тем, в воспоминаниях эмигрировавших из России политических деятелей содержится немало упоминаний о Лиге русской культуры⁶. Определенное влияние эта организация оказала и на будущие эмигрантские проекты (к примеру, проект организации «Лиги русской культуры» Г. П. Федорова)⁷. Кроме того, основные идеи Лиги уходили корнями в славянофильскую традицию, религиозно-философские искания начала XX в., а позже — получили несомненное признание (чаще на уровне риторическом или даже демагогическом) в определенных кругах «белого движения».

Несомненным можно считать принадлежность Лиги к консервативно-либеральному направлению русской общественной мысли. Этот тип либерализма был ориентирован, прежде всего, на государственные, национальные и культурные ценности. Доминирующими в его мирозерцании были начала свободы и культуры, в соединении которых с православием и государственностью и могла только существовать Россия.

В условиях 1917 г. консервативные либералы призывали к духовному творчеству, созиданию, которое, по их мнению, единственное могло противостоять разрушению всех устоев общественной жизни. Они стремились противостоять рационалистическим и материалистическим построениям чисто либеральных и социалистических теорий, вернуться к религии, культуре и этатизму. Разобщенности, классовой вражде и взаимному озлоблению консервативно-либеральные мыслители противопоставили общенациональное единство, основанное на понимании общекультурных и общегосударственных интересов, стремление возродить величие России.

Во главе этого направления в 1917 г. стоял П. Б. Струве, в тесном сотрудничестве с которым находились бывшие «веховцы» (С. Л. Франк, Н. А. Бердяев, С. Н. Булгаков, С. А. Котляревский и др.). Они объединялись вокруг старого и очень известного общественно-политического журнала «Русская мысль», редактором которого уже несколько лет являлся П. Б. Струве, и небольшого еженедельника «Русская свобода», издававшимся также П. Б. Струве с апреля 1917 г. как приложение к «Русской мысли». В анонсах П. Б. Струве утверждал, что «Русская свобода» «будет ставить и отстаивать ту задачу укрепления свободы через развитие духовной культуры, которую в 1905–1906 годах проводили еженедельники “Полярная звезда” и “Свобода и культура”»⁸. О. Н. Знаменский назвал «Русскую свободу» печатным органом Лиги русской культуры.

«Русская свобода» также объединяла авторов совершенно разных направлений. Здесь были: правые кадеты (А. С. Изгоев, С. С. Ольденбург, И. М. Гревс), религиозные мыслители (кн. Е. Н. Трубецкой, В. Муравьев, Д. В. Болдырев, В. Княжнин, С. Н. Булгаков и др.), «веховцы», политические публицисты (В. Гефдинг, И. О. Левин), монархист и националист В. В. Шульгин, Андрей, епископ Уфимский и т. д.⁹ С. Л. Франк вспоминал, что с самого начала ему было понятно, что этот журнал не сможет решить задачу объединения национальных сил, однако противостоять энергии П. Б. Струве было сложно¹⁰.

Как уже отмечалось, инициатором создания Лиги русской культуры выступил Петр Бернгардович Струве. 29 мая 1917 г. в Петрограде, в помещении редакций «Русской мысли» и «Русской свободы», состоялось «подготовительное собрание», которое вел М. В. Родзянко¹¹. П. Б. Струве произнес на нем программную речь о патриотизме и роли русской культуры. В ней он выразил убежденность, что культура и патриотизм неразрывно связаны с политическим строем и формой государства, то есть с «национальной идеей».

Идея создания организации родилась у П. Б. Струве еще в апреле 1917 г. 27 апреля он написал статью «Лига русской культуры», в которой, как и в речи на подготовительном собрании, обосновал историческую необходимость основания культурно-патриотической организации. П. Б. Струве указывал на главную беду времени: «в широких народных массах оказался утраченным здоровый патриотический инстинкт»¹², без которого невозможно ни нормальное международное бытие народа, ни здоровая внутренняя жизнь государства. Он полагал, что такое состояние умов — явление временное, хотя выход из него возможен только в далеком будущем. Поэтому ближайшей задачей всех сознательных русских граждан, по его мнению, должно было стать «построение русской культуры».

П. Б. Струве полагал, что именно культура может спасти Россию, потому что «культура есть то, что народу дает бытие, а государству смысл и оправда-

ние»¹³. Для него в категории «культура» переплелась связь времен, сплеталось творчество непрерывного ряда сменяющих друг друга поколений. Собственно говоря, это творчество и есть культура. Одновременно, П. Б. Струве не отрицал и связи культуры с политическим строем. Он утверждал, что проклятие русских заключалось в том, что на территории собственного государства они были «владыками вовне» и «рабами внутри»¹⁴. И только после падения самодержавия русское национальное сознание могло «свободно строить национально-русскую культуру в полном сознании ее исторического своеобразия»¹⁵. Именно в 1917 г., по его мнению, русская культура обрела адекватные политические условия для своего развития; форма «политического рабства», наконец, была разбита и русское национальное сознание освободилось. Поэтому П. Б. Струве призывал всех сознательно любящих русскую национальную культуру людей объединиться для творческой работы в «могущественную лигу русской национальной культуры»¹⁶. Он утверждал, что, помня о своем великом прошлом, русские люди обязаны творить великое будущее. Программным документом Лиги считается также статья П. Б. Струве «России нужно организованное патриотическое движение» («Русская свобода», № 9).

Учредительное собрание Лиги русской культуры прошло 7 июня 1917 г. В числе ее учредителей (22 человека) были М. В. Родзянко, епископ Уфимский Андрей, А. В. Карташев, П. Б. Струве, В. А. Маклаков, Н. В. Савич, С. Ф. Ольденбург, С. Ф. Платонов, С. Л. Франк, от. Ф. Д. Филоненко, Е. П. Ковалевский, В. Н. Муравьев, С. А. Котляревский, А. Ф. Зайцев, А. С. Изгоев, В. М. Латкин, Б. Ф. Никольский, С. Н. Булгаков, Н. Н. Львов, гр. В. Н. Бобринская, Н. А. Бердяев и В. В. Шульгин¹⁷.

Среди основателей Лиги оказались преимущественно представители петроградской общественности, за исключением С. Н. Булгакова, тогда профессора Московского коммерческого института, Н. А. Бердяева и графини В. Н. Бобринской, живших в Москве. В числе учредителей Лиги было много активных политических деятелей, членов Государственной Думы (В. А. Маклаков, Н. В. Савич, от. Ф. Д. Филоненко, Е. П. Ковалевский, Н. Н. Львов, В. В. Шульгин и М. В. Родзянко), писателей, экономистов, публицистов (В. Н. Муравьев, А. Ф. Зайцев, Б. Ф. Никольский, А. С. Изгоев и др.). В немалом количестве среди учредителей были крупнейшие ученые и мыслители: профессора Петроградских Высших женских курсов А. В. Карташев, С. Ф. Платонов, С. Л. Франк, академик С. Ф. Ольденбург, П. Б. Струве, профессор Московского университета С. А. Котляревский и т. д.

По мысли основателей, Лига не должна была преследовать никаких политических целей, поэтому могла включать в себя представителей всех политических направлений. Но, по мнению П. Б. Струве, все, кто туда войдут, должны прежде сойтись на признании определенных начал общественно-государственной жизни. Во-первых, их должно было объединить сознание того, что «без известных основ общественно-правовой культуры общество распадается на бессвязные толпы озверелых людей..., не сознающих никакой ответственности»¹⁸. Во-вторых, «эти люди должны чувствовать себя русскими, любить свою национальную культуру»¹⁹. При этом на третьем заседании Временного комитета Лиги было принято решение о принятии в состав одного из отделов «лиц нерусского происхождения», если они принимают § 1 Устава организации²⁰. В этом параграфе

было сказано о том, что задачей Лиги является «развитие и укрепление национальной русской культуры»²¹.

Стоит отметить, что члены Лиги, быть может, с различной силой аргументации, но с неизменным единодушием, противопоставляли свой «национализм» (можно сказать, славянофильский) «официальному национализму».

Скажем несколько слов о «славянофильской традиции» в Лиге. По словам О. Н. Знаменского, Лига русской культуры представляла собой попытку «опереться на идеи раннего славянофильства» (правда, далее он продолжал в духе советской историографической традиции: «сдобвив их идеями буржуазного национализма и конъюнктурной, рассчитанной на буржуазную и мелкобуржуазную интеллигенцию, политической демагогией»)²². Выводы О. Н. Знаменского были небезосновательны, поскольку о своих «раннеславянофильских корнях» писали еще сами организаторы Лиги русской культуры. К примеру, И. М. Гревс в статье «Лига русской культуры» заявлял, что члены Лиги приемлют «заветы лучших отцов» славянофильства (И. С. и К. С. Аксаковых, И. В. и П. В. Киреевских, А. С. Хомякова) и отвергают идеи «многих новых adeptов» славянофильства (Н. Я. Данилевского, К. Н. Леонтьева), которые перемешали свои воззрения с официальным национализмом, заразившись соседством с ним²³.

Несмотря на такую идейную обособленность, Лиге действительно удалось привлечь немало так называемых интеллигентских сил. С. Л. Франк вспоминал впоследствии, что «в приемной Петра Бернгардовича толпились десятки людей, желавших записаться в Лигу русской культуры, и получалось много письменных заявлений»²⁴.

В уставе Лиги русской культуры говорилось, что она «ставит своей задачей объединение усилий, направленных на развитие и укрепление национальной русской культуры»²⁵. Лига была объявлена объединением неполитическим и неклассовым и принимала всех лиц не моложе 18 лет без различия пола и вероисповедания.

Кроме того, в уставе был оговорен ряд организационных вопросов²⁶. Лига состояла из действительных членов и членов-сотрудников. Во главе ее должен был стоять Совет из 15 человек, который избирался бы на 2 года на Общем собрании действительных членов Лиги в Петрограде. До созыва первого Общего собрания делами Лиги управлял Временный Совет из 5 лиц, избранных 7 июня 1917 г. В Журнале заседаний Временного Комитета (Совета) Лиги сохранились протоколы за период с 16 июня до 17 октября 1917 г.²⁷ Совет должен был избирать из своей среды председателя, который являлся бы и председателем Лиги, а также двух товарищей председателя, секретаря и казначея.

Действительная работа Лиги русской культуры должна была утверждаться на Съездах. Предполагалось проводить съезды разных масштабов и назначений — всероссийские и областные. Однако основным полем деятельности Лиги должно было стать культурно-просветительское, поэтому намечалось создание культурно-просветительских учреждений разных типов. Лига должна была иметь свою типографию и выпускать в свет книги и периодические издания. Намечалась также организация международных культурных сношений, лекций, экскурсий, поездок и других мероприятий.

В уставе оговаривались и сроки созыва Всероссийских съездов. Ежегодно на Рождественской неделе Совет должен был созывать съезд членов Лиги и ее

местных отделов. Эти годовые съезды предполагалось собирать не в одном, а в различных городах России по установленной очереди. Кроме того, ежегодно, не позднее первого мая, Совет должен был созывать в Петрограде Общее Собрание, на котором он и должен был предоставить отчет о своей деятельности и деятельности отделов.

Лига оговаривала также источники своего финансирования. В § 10 Устава говорилось, что средства Лиги состоят из трех частей: 1) ежегодных членских взносов в размере 10 руб. с действительных членов и 1 руб. с членов — сотрудников; 2) доходов от различных предприятий Лиги; 3) пожертвований и др.²⁸ Здесь можно заметить, что стать действительными членами организации могли только те лица, которые обладали минимум средним годовым доходом (3–4 тыс. руб.). Для широких масс, особенно в условиях нестабильного положения и инфляции 1917 г., вход в Лигу был затруднен, поэтому задуманную массовую организацию создать так и не удалось. На первом заседании комитета было решено просить Б. А. Никольского принять на себя обязанности казначея. Денежные суммы на текущие расходы хранились в помещении Лиги, а текущий счет Лиги было решено открыть в Московском банке с тем, чтобы выдавать деньги по требованиям, подписанным П. Б. Струве и Б. А. Никольским²⁹. Таким образом, П. Б. Струве фактически управлял и политикой Лиги и ее административно-хозяйственными делами.

Стоит подробнее остановиться на списке лиц, вошедших в эту организацию. Процедура принятия в Лигу новых действительных членов, судя по протоколам заседания Временного Комитета, была довольно серьезна. На первом заседании Лиги 16 июня (?) по личному заявлению были приняты А. А. Гирс, Г. Ф. Чиркин, И. И. Левин, кн. А. М. Орбелиани, Н. В. Нагорский и А. И. Садов. Заявления же М. И. Бобровой, Н. Н. Павлицевой и Л. И. Ежовского удовлетворены не были, и комитет рекомендовал им прибыть к П. Б. Струве для личных переговоров³⁰. Н. Н. Павлицева была принята в число членов-сотрудников только 6 сентября, после повторного заявления и предложения о сотрудничестве с Лигой³¹. Граф Д. А. Олсуфьев, к примеру, был принят в действительные члены Лиги после того, как предложил внести в кассу 100 руб. Заявление А. Тихонова о желании принять участие в деятельности Лиги было направлено В. Н. Муравьеву³². В середине июля в действительные члены организации были приняты также П. А. Остроухов, В. Ф. Гефдинг, А. М. Сухотин, Н. А. Рейтлингер и А. А. Евдокимов³³.

Третье заседание Временного Комитета состоялось 3 сентября 1917 г. В состав Лиги были приняты Ф. К. Сологуб (Тетерников), Д. Д. Плетнев, Я. И. Смирнов, И. И. Бибииков, О. Ф. Трабина, И. И. Любименко, Н. П. Вишняков, Ю. А. Никольский и П. С. Мансветов. Тогда же, при содействии В. Н. Муравьева, в Лигу были приняты А. В. Солдатенков, Ю. Н. Данзас и Е. Н. Герздорф³⁴. Кроме того, в сентябре в качестве членов-сотрудников в Лигу были приняты председатель и члены Совета Никольского Братства при церкви 495 полевого передвижного госпиталя М. И. Андреевский, священник М. М. Степанов, И. М. Присман, И. Н. Молоснов, А. С. Лисач, А. З. Чуденко, А. И. Ефимов и Е. М. Васильев, направившие заявления о принятии во Временный комитет³⁵.

На четвертом заседании в число действительных членов Лиги по собственному заявлению и при содействии П. Б. Струве были приняты: И. М. Гревс, А. А. Смирнов, П. К. Губер и А. И. Гучков, при содействии В. Н. Муравьева —

И. Ф. Дубасова, а по рекомендации Н. Ф. Нагорского — М. А. Розанов, а также А. А. Ростиславов³⁶.

В целом, принятие в состав Лиги осуществлялось по заявлению и ходатайству одного из членов организации (чаще всего, П. Б. Струве и В. Н. Муравьева). С сентября после предложения В. Н. Муравьева (возможно, по инициативе П. Б. Струве) о «самой широкой популяризации деятельности Лиги» привлечение новых членов стало основной заботой Временного комитета, и Журнал заседаний фиксирует преимущественно списки лиц, к которым Лига обращалась с предложением о сотрудничестве, и лиц, подавших заявление о членстве³⁷.

Сразу же от П. Б. Струве поступило предложение просить вступить в число действительных членов Лиги Н. В. Болдырева, Д. В. Болдырева, В. П. Быстренина, В. П. Соколова, кн. Е. Н. Трубецкого, С. С. Ольденбурга, В. Н. Ивойлова, Я. Л. Барскова, бар. Б. Э. Нольде, св. К. М. Аггеева, М. И. Ростовцева, С. А. Алексеева-Аско[льдова], В. М. Гессена, И. О. Левина, Н. П. Кондакова, Н. А. Котляревского, В. В. Латышева, А. С. Лаппо-Данилевского, М. А. Дьяконова, Н. К. Никольского, Е. Ф. Карского, А. В. Никитского, И. П. Бородин, Ф. Ф. Зелинского, С. А. Жебелева, Б. А. Тураева, Е. Ф. Тураевой³⁸.

На пятом заседании комитета 20 сентября 1917 г. в число действительных членов были приняты А. Ф. и В. А. Чуйкевич, М. А. Стахович, А. Г. Щепетев, Е. Н. Бунге, А. А. Мусселиус, Н. С. Платонова, С. М. Сухотин, Н. П. Юдин и кн. Н. В. Голицын³⁹. По предложению П. Б. Струве в число действительных членов Лиги были приняты В. Н. Садыков, К. И. Арабажин и И. О. Левин, а также С. С. Ольденбург⁴⁰. Кроме того, согласно личным просьбам, были приняты Н. А. Котляревский, Я. Л. Барсков, С. А. Жебелев, Н. В. Болдырев, В. Н. Ивойлов, С. А. Алексеев-Аскольдов, А. С. Лаппо-Данилевский и Е. Ф. Карский, к которым Лига ранее обращалась с предложением о сотрудничестве⁴¹. В число членов-сотрудников были также приняты В. В. Мальцева, кн. А. Святополк-Мирский, протоиерей В. Гобчанский, П. А. Парфанык, Е. П. Репина и Н. С. Егорова.

Видя такой отклик, П. Б. Струве предложил направить подобные запросы также Г. В. Вернадскому, С. В. Рождественскому, М. Д. Приселкову, И. С. Пальмову, П. Н. Жуковичу, В. Т. Георгиевскому, гр. В. П. Зубову, А. А. Шапошникову, В. А. Дену, Н. Н. Ден, Н. В. Ястребову, А. И. Заозерскому, К. А. Поссе, А. А. Васильеву, П. Г. Васенко, М. А. Полиевктову, А. Е. Преснякову, Н. М. Каринскому, Д. К. Петрову, А. И. Малеину⁴².

Шестое заседание Временного комитета 29 сентября 1917 г. началось с принятия в число действительных членов Лиги М. А. Дьяконова, В. П. Быстренина и А. М. Быстрениной, бар. Б. Э. Нольде, Б. А. Тураева, гр. В. П. Зубова и Н. К. Никольского, приславших ответ на предложение Лиги о сотрудничестве⁴³. Помимо этого, по личным просьбам были приняты А. А. Кондратьев, В. К. Воронеж, М. Г. Саломе, С. А. Желобинов, а также Н. М. Родзянко, рекомендованный В. Н. Садыковым⁴⁴. В число членов-сотрудников по заявлению были приняты А. В. Пешехонова и А. П. Репина⁴⁵.

На последнем заседании комитета, 17 октября, в ответ на просьбу Лиги в действительные члены организации были приняты Д. К. Петров, В. Э. Ден, Н. Н. Ден, К. А. Поссе, Н. В. Ястребов, И. О. Левин, А. И. Заозерский, П. Г. Васенко и А. И. Малеин⁴⁶. Тогда же П. Б. Струве предложил пригласить Э. Д. Гримма. По личному заявлению были приняты М. И. Терещенко, А. Н. Чеботаревская,

кн. Г. Н. Трубецкой, С. А. Даниельбек, о. С. А. Вознесенский, Л. Н. Рейтлингер и прапорщик Абакумов⁴⁷. В число членов-сотрудников были приняты еще Е. Н. Пораделова, М. И. Волкевич, И. А. Домогатский, Н. П. Пользинский, Н. Д. Левитов и о. иеромонах Тихон (Созанов)⁴⁸.

Таким образом, Лига объединила весьма выдающиеся интеллектуальные силы страны. В ее состав вошло значительное число известных писателей, литераторов и публицистов.

Случались и курьезы. Так, например, С. Л. Франк описывает историю попытки включить в число членов Лиги А. Блока, но тот отказался, признав «странность» факта, что в Лиге русской культуры «есть Родзянко, но нет Горького», П. Б. Струве, однако, ответил на это, что «ужас положения» в том, что Горький возглавляет «явно антинациональное движение»⁴⁹.

На учредительном собрании 7 июня 1917 г. был избран Временный комитет в составе М. В. Родзянко, А. В. Карташева, В. В. Шульгина, Н. В. Савича и П. Б. Струве, а также принят устав и обращения «К русским гражданам» и «К русской молодежи»⁵⁰. 15 июля, в виду отсутствия В. В. Шульгина и Н. В. Савича, было решено ввести во Временный Комитет В. Н. Муравьева и Б. А. Никольского, 3 сентября, по предложению П. Б. Струве, — А. Ф. Зайцева, а 17 октября, по заявлению В. Н. Муравьева, — А. М. Сухотина, заменившего на посту казначея Б. А. Никольского⁵¹. Все перемены в составе Временного комитета были продиктованы невозможностью исполнения обязанностей членами комитета в связи с их отъездом. Иных оснований в документах не указано.

На первом заседании Временного Комитета присутствовали М. В. Родзянко, П. Б. Струве и А. В. Карташев; на втором — М. В. Родзянко, П. Б. Струве, В. Н. Муравьев; на третьем — П. Б. Струве, В. Н. Муравьев и Б. А. Никольский; на четвертом, пятом и шестом — П. Б. Струве, В. Н. Муравьев, Б. А. Никольский и А. Ф. Зайцев; на последнем, седьмом, — М. В. Родзянко, П. Б. Струве, А. Ф. Зайцев, В. Н. Муравьев и Н. В. Савич. Как видим, состав Временного Комитета был нестабилен. Его ядро составляли публицисты-сотрудники редактируемых П. Б. Струве журналов «Русской мысли» и «Русского слова» — В. Н. Муравьев, А. Ф. Зайцев и сам П. Б. Струве.

Интересно отметить, что, хотя идея создания этой организации и конкретные шаги по ее воплощению принадлежали П. Б. Струве, почетным председателем Временного Комитета Лиги все же являлся М. В. Родзянко. С одной стороны, это создавало Лиге авторитет и покровительство самого известного председателя Государственной думы, с другой стороны, не создавало критических ситуаций из-за известной «нетерпимости» П. Б. Струве. Фактически же у руля организации, «за председателя», как указывалось в Журнале заседаний, находился именно он, присутствуя на всех заседаниях Временного Комитета и принимая окончательные решения. Официально эта ситуация была улажена на четвертом заседании комитета, когда было зачитано письмо М. В. Родзянко к П. Б. Струве с просьбой «принять на себя исполнение обязанностей председателя на время его отсутствия»⁵².

Заседания Временного комитета проходили и с привлечением других действительных членов. Например, было принято решение 29 сентября организовать расширенное заседание с целью создания лекционной комиссии и привлечения к ее организации членов Лиги: А. С. Изгоева, Ф. К. Сологуба, И. И. Любименко, И. М. Гревса, Ю. Н. Данзас, Н. А. Котляревского, Я. Л. Барскова, С. А. Жебелева,

С. Ф. Платонова, Н. С. Платонову, В. Н. Ивойлова, С. А. Алексева-Аскольдова, Н. С. Егорову, Е. П. Репину, С. Ф. и С. С. Ольденбургов⁵³.

Лига была заинтересована в распространении своих идей и создании организаций по всей стране, поэтому охотно шла на сотрудничество с провинциальными деятелями. К примеру, на первом же заседании Временного комитета было принято решение удовлетворить ходатайство В. В. Покровского о высылке ему в Бузудук (Самарская губ.) воззваний и устава Лиги русской культуры⁵⁴. Кроме того, в организацию был принят А. Л. Погодин, которому было поручено организовать в Харькове местный отдел Лиги⁵⁵, а в сентябре в ответ на его просьбу было выслано 10 экземпляров Устава⁵⁶. О деятельности этого отдела также ничего не известно. На шестом заседании Лиги в конце сентября было решено утвердить открытие отдела в Нижнем Новгороде, в ответ на просьбу прокурора Нижегородского окружного суда Н. П. Чернявского⁵⁷. Стоит отметить также, что с заявлением о желании войти в состав Лиги и сделаться ее местным отделом обратилось Закавказское Общество деятелей русской культуры и школы. Однако Временный комитет эту просьбу отклонил, сославшись на Устав, и предложил десяти членам общества вступить в Лигу в качестве действительных членов, а остальным стать ее членами-сотрудниками⁵⁸.

Согласно протоколам заседаний Временного Комитета Лиги, создание местных отделов Лиги являлось первоочередной задачей, однако, на деле она не слишком активно стремилась их создавать. Даже в Москве отдел Лиги появился очень поздно: только на пятом заседании Временного комитета П. Б. Струве был зачитан доклад об открытии московского отдела⁵⁹. Тем не менее, судьба этого отдела не очень ясна. О. Н. Знаменский отмечал, что Лига «могла бы записать в свой актив создание отдела в Москве, но на учредительном собрании 17 сентября были всего 20 человек, среди которых преобладали лица Петроградского комитета — Н. А. Бердяев, С. Н. Булгаков, А. В. Карташев, П. Б. Струве, С. Н. Трубецкой, В. Н. Бобринская, а во Временный Комитет отдела вошли Н. А. Бердяев, С. Н. Булгаков, А. А. Евдокимов, В. Н. Иванов и П. И. Новгородцев»⁶⁰.

При этом, Лига всегда положительно отвечала на просьбы отдельных общественных деятелей отправить им устав организации. Например, содействие в отправлении Устава было оказано прапорщику С. Троценко, который из действующей армии обратился в комитет с просьбой прислать для офицеров и солдат химической команды Устав⁶¹. Однако таких просьб было немного. Идеи Лиги в армии было мало поддержаны, несмотря на привлечение армейских сил и сотрудничество Лиги с 10-й Армией. Устав Лиги был выслан св. Д. Савицкому, В. Дунаеву, В. Уварову, С. Ф. Иванову, Линдену, Н. Володкевичу, Е. Пораделовой, В. Мартынову, А. Танскому, а также председателю педагогического совета Новозыбковской женской гимназии А. Соболеву, направившим в комитет запросы⁶². Были удовлетворены аналогичные просьбы и других частных лиц.

Просьбы о проведении лекций на своих заседаниях Лига удовлетворяла не всегда. К примеру, было отказано в прочтении на одном из общих собраний доклада В. Е. Чехихина «О всероссийской русской национал-либеральной партии» на том основании, что этот доклад, «согласно уставу, не мог быть заслушан как носящий чисто политический характер»⁶³.

Стоит упомянуть о контактах Лиги с другими общественными институтами и организациями. По предложению еп. Андрея Уфимского было принято реше-

ние о проведении вечера-лекции Лиги, программу которого поручили разработать П. Б. Струве и А. В. Карташеву⁶⁴. Было решено также просить участвовать в вечере Л. Н. Андреева, А. А. Блока, Ф. К. Сологуба и принять их, по желанию, в Лигу (о чем речь шла выше).

Кроме того, по ходатайству А. В. Карташева к деятельности Лиги было решено привлечь существующие старообрядческие организации и просить о содействии в том С. П. Каблукова⁶⁵. Вопрос о сотрудничестве со старообрядческими организациями обсуждался и на одном из сентябрьских заседаний Временного комитета. В частности, Н. В. Нагорским был сделан доклад о «желании старообрядческих организаций присоединиться к деятельности Лиги русской культуры», для осуществления чего эти организации приглашали членов Лиги на общее собрание 11 сентября. Временным комитетом было выражено согласие на это мероприятие, но результаты его в журнале заседаний Лиги не отобразились⁶⁶.

В протоколах также сохранились сведения о том, что с предложением о сотрудничестве к Лиге обращался Южно-Русский демократический Союз в Киеве. Союз предложил деятелям Лиги приехать в Киев на совещание по украинскому вопросу и обсуждение «ряда мероприятий для борьбы с теми уродливыми формами, которые приняло за последнее время украинское движение», — говорилось в протоколе⁶⁷. Лига русской культуры выразила свое согласие с данным предложением и постановила организовать подобную встречу при первом удобном случае. О реализации этого плана нам ничего не известно.

Не удалось Лиге оформление «христианско-социалистического» движения, которое предлагали создать В. Н. Муравьев и епископ Уфимский Андрей. Во главе этого движения, по проекту, должен был стоять С. Н. Булгаков, но и он ограничился только выходом брошюры «Христианство и социализм»⁶⁸.

Судя по протоколам заседания Временного Комитета, призыв Лиги о сотрудничестве нашел некоторый отклик даже в армии. В частности, комитет подотдела Штаба 10-й Армии Союза офицеров Армии и Флота проявил явный интерес к лозунгам организации⁶⁹. В ответ на обращение Союза офицеров Армии и Флота в лице Комитета подотдела 10-й Армии «содействовать делу перевоспитания армии», Лигой было выработано обращение, в котором говорилось о создании при 10-й Армии отдела Лиги русской культуры.

Общего собрания Лига очень долго не проводила. Оно было запланировано лишь на 24 октября 1917 г. и должно было открыться речами А. В. Карташева и Н. А. Бердяева⁷⁰. Однако мы не располагаем информацией о том, состоялось ли оно и какие решения приняло.

В целом, практическая деятельность Лиги русской культуры не пошла далее образования двух центральных отделов (в Петрограде и очень поздно Москве), указанных выше трех известных нам местных отделов (в Бузулуке, Харькове, Нижнем Новгороде) и отдела при 10-й Армии, а также издания «Русской свободы».

Таким образом, Лига русской культуры по форме своей была организацией культурно-просветительской и не ставила ярко выраженных политических целей. Основатели ее полагали, что «только в созидательной культурной работе, освященной национальным сознанием, вдохновляемой живым национальным чувством, Россия и русский народ могут найти спасение от духовного распада и нравственного одичания»⁷¹. Конечной целью организации являлось «перевоспитание» народа и интеллигенции в духе патриотизма, глубокая перестройка пси-

хологии и сознания масс, форм общественной жизни и государственного строя, чтобы они в соответствии с «неподдельным национальным ликом родной культуры» пришли к национальной культуре, которую творили древние подвижники веры, писатели, самоотверженные борцы за свободу⁷².

Однако практическая деятельность Лиги оказалась почти незаметной и лозунги «возрождения культуры и государственности» были заглушены простыми и броскими призывами к справедливости и перераспределению собственности. Судьба Лиги, в конечном итоге, еще раз показала несостоятельность русской интеллигенции перед народной стихией, слово новых «почвенников», консервативных либералов, было слишком элитарным и мало понятным населению, а потому, очевидно, и не было им услышано.

Примечания

- 1 Струве П. Б. Лига русской культуры // Русская свобода. 1917. № 3. С. 5.
- 2 Знаменский О. Н. Интеллигенция накануне Великого Октября (февраль – октябрь 1917 г.). Л., 1988. С. 219–221.
- 3 См.: Политические партии России (конец XIX – первая треть XX века). Энциклопедия / Под ред. В. В. Шелохаева. М., 1996.
- 4 См.: Колеров М. «Лига русской культуры» в Москве (1917) // De visu. 1993. № 9. С. 55–57.
- 5 Тахо-Годи Е. А., Троицкий В. П. «Духовная Русь» // Вестник РХД. 1997. № 176. С. 125–147.
- 6 См., например: Франк С. Л. Биография П. Б. Струве. Нью-Йорк, 1956.
- 7 Федотов Г. П. Судьба и грехи России. Т. 1. СПб., 1991; Карташев А. В. Воссоздание Святой Руси. М., 1991.
- 8 Русская мысль. 1917. Кн. V–VI. Форзац.
- 9 См.: Русская свобода. 1917. № 1–25.
- 10 Франк С. Л. Указ. соч. С. 115.
- 11 Знаменский О. Н. Указ. соч. С. 223.
- 12 Струве П. Б. Указ. соч. С. 3.
- 13 Там же. С. 4.
- 14 Там же. С. 4.
- 15 Цит. по: Знаменский О. Н. Указ. соч. С. 224.
- 16 Струве П. Б. Указ. соч. С. 4.
- 17 См.: Русская свобода. 1917. № 9. С. 23–24.
- 18 Струве П. Б. Указ. соч. С. 4.
- 19 Там же. С. 5.
- 20 РГАЛИ. Ф. 2096. Оп. 1. Д. 1. Л. 5 об.
- 21 Устав Лиги русской культуры // Русская свобода. 1917. № 9. С. 21.
- 22 Там же.
- 23 Речь (Петроград). 1917. 20 августа.
- 24 Франк С. Л. Указ. соч. С. 116.
- 25 Устав Лиги русской культуры. С. 21.
- 26 См.: Там же. С. 21 – 23.
- 27 РГАЛИ. Ф. 2096. Оп. 1. Д. 1. Л. 1–13.
- 28 См.: Устав Лиги русской культуры. С. 22.
- 29 РГАЛИ. Ф. 2096. Оп. 1. Д. 1. Л. 1.
- 30 Там же. В протоколе еще значит заявлении Бабкина, сведения о котором было решено собрать у Л. А. Велихова, А. В. Карташева и других деятелей.
- 31 Там же. Л. 7 об.
- 32 Там же. Л. 7.
- 33 Там же. Л. 3.
- 34 Там же. Л. 6.
- 35 Там же. Л. 5 об.
- 36 Там же. Л. 7.
- 37 Там же. Л. 8.

- 38 Там же. Л. 8.
39 Там же. Л. 9.
40 Там же. Л. 9 об.
41 Там же. Л. 10 об.
42 Там же. Л. 10.
43 Там же. Л. 11.
44 Там же.
45 Там же.
46 Там же. Л. 12.
47 Там же.
48 Там же. Л. 12 об.
49 *Франк С. Л.* Указ. соч. С. 116.
50 См.: Русская свобода. 1917. № 9. С. 20–23.
51 РГАЛИ. Ф. 2096. Оп. 1. Д. 1. Л. 2, 6.
52 Там же. Л. 7.
53 Там же. Л. 10.
54 Там же. Л. 1.
55 Там же.
56 Там же. Л. 8.
57 Там же. Л. 11.
58 Там же. Л. 12.
59 Там же. Л. 9.
60 См.: *Знаменский О. Н.* Указ. соч. С. 302–300.
61 РГАЛИ. Ф. 2096. Оп. 1. Д. 1. Л. 7 об.
62 Там же. Л. 9.
63 Там же. Л. 5.
64 Там же. Л. 2.
65 Там же. Л. 1.
66 Там же. Л. 7.
67 Там же. Л. 3.
68 *Булгаков С. Н.* Христианский социализм. Новосибирск, 1991. С. 22.
69 РГАЛИ. Ф. 2096. Оп. 1. Д. 1. Л. 1.
70 Там же. Л. 12.
71 Лига русской культуры. С. 21.
72 См.: *Знаменский О. Н.* Указ. соч. С. 286–287.

В. М. Лавров
Москва

Октябрьская революция в восприятии патриарха Тихона

Простое русское крестьянское лицо с большим грушевидным носом, с просветленно-мудрым и спокойным взглядом и затаившейся доброй улыбкой. Так выглядел тот, кто не был ни богословом, ни историософом, ни политиком, но которому предстояло осмыслить 1917 год, — духовный пастырь православной России не мог не сделать этого в Новогоднем слове в первый день 1918-го года. Собравшиеся в храме Христа Спасителя православные верующие ждали этого.

«Минувший год был годом строительства Российской державы. Но увы! Не напоминает ли он нам печальный опыт вавилонского строительства?» — начал